

Остальные три студента продолжили играть. Дождавшись, пока все трое закончат, я посмотрел на Гао Яна.

Тот запрокинул голову и уставился на меня:

— Учитель, что не так? Я же всё по нотам играл!

— Отношение не то. Пьеса Мориак — это произведение, которое автор посвятил любимому человеку, вложив в неё всю переполняющую его сердце страсть, которую он не мог выразить словами. В ней есть и печаль, и тоска, но нет ни грамма полуживого безразличия.

У Гао Яна был талант, но этот парень любил поблажки, а поступив в университет, и вовсе думал только о развлечениях. Только что он играл совершенно бездушно и сделал несколько фальшивых нот.

Когда я это сказал, он лишь рассмеялся, и остальные студенты тоже хихикнули:

— Учитель, если он полуживой, то живых вообще не остаётся.

Увидев, что кто-то его поддерживает, Гао Ян осмелел:

— Учитель, я понимаю Мориака так, что в музыке должно быть больше грусти. Когда любишь человека, но не можешь признаться, на душе ведь сплошное отчаяние.

Я хмыкнул:

— Значит, то, как ты только что играл, и есть состояние композитора?

Его глаза загорелись, и он выпалил:

— Точно, учитель! Вы же в прошлый раз, когда играли Кориолана, тоже держались невероятно невозмутимо!

Пусть я и был лишён лишних эмоций, но никогда не играл пресно и бездушно. Я спокойно ответил ему:

— Чувства к тому, что любишь, можно прятать в сердце, но относиться к этому спустя рукава нельзя. С музыкой то же самое.

Гао Ян на мгновение растерялся от моих слов, а спустя секунду взъерошил волосы — да так, что причёска окончательно испортилась, — и сбивчиво пробормотал:

— Простите, учитель, а вы не могли бы показать ещё раз? Я только что слушал невнимательно, всё смотрел на...

Он не договорил, но я не стал его отчитывать. Он уже не школьник, главное — уметь признавать ошибки. Я сказал ему:

— Ладно, я сыграю ещё раз, а ты внимательно послушай.

Он тут же вскочил со стула:

— Учитель, садитесь сюда.

Я сел за его пианино и заиграл сначала.

На этот раз он послушно стоял в сторонке, а когда я закончил, произнёс:

— Учитель, можно я теперь сам попробую?

Я кивнул и велел ему встать в строй к остальным студентам. На этот раз получилось намного лучше. Раз уж заводила Четвёрки взял за ум и стал нормально заниматься, с остальными ребятами стало проще. Я больше не стал ничего добавлять. Я понимал, что сам ещё не защитил магистратуру, и когда меня присылали вести у них занятия, они в душе наверняка были не согласны. Но это же самые основы: если не относиться серьёзно к базовым урокам, то даже появление профессора ничего не изменит — а со строгим нравом профессора Су они ещё просто не сталкивались.

После окончания урока я отправился к профессору с отчётом. Профессор Су пользовался широкой известностью и занимал пост заместителя декана консерватории. Аспирантов под его началом было немного: помимо меня, числился ещё старший сокурсник Чжоу Хэсянь, но он выпустился на три года раньше меня и уже вовсю крутился в шоу-бизнесе, поэтому в университете появлялся крайне редко.

Именно поэтому каждый мой визит к профессору начинался с моральной подготовки у дверей: раз уж Чжоу Хэсяня натягивать было некому, вся очередь переходила на меня.

Разумеется, и на этот раз избежать разноса не удалось. Хотя я предельно точно доложил ему и о плане подготовки к занятиям, и о текущем состоянии моей научной статьи, он всё равно остался недоволен. Надев очки, он бегло пролистал мою рукопись:

— Язык статьи слишком обобщённый. Какой толк нагромождать вычурные фразы?

Я прикрыл глаза, продолжая слушать. Профессор внимательно перелистал статью до конца,

захлопнул её, снял очки и назидательным тоном произнёс:

— Не вздумай писать статьи в стиле Чжоу Хэсяня! Чёрт знает, кто ему их писал — понапичкал всякой чепухи в надежде, что я ослеп.

Мысленно я поставил Чжоу Хэсяню свечку за упокой. А ведь он уверял меня, будто профессор обожает всё вычурное, больше всего на свете любит грандиозные, величественные музыкальные полотна, и раз музыка устроена так, то и статьи должны строиться по тому же принципу — мол, просто натааскай побольше красивых слов и оборотов.

Выходит, сейчас всё ровно наоборот?

В завершение разбора моей работы профессор Су сказал:

— В статье должна быть изюминка. Не нужно многого — достаточно одной точки, одной детали, в которой есть душа. Точно так же, как и в музыке. Я сейчас не требую, чтобы весь твой текст состоял из одних смыслов, но я требую ухватить хотя бы что-то одно, чтобы зрители запомнили именно это.

Я кивнул:

— Понял, спасибо, профессор.

Он взял в руки моё новое сочинение, лишь бегло просмотрел его и посмотрел на меня:

— И это твоё творчество? Вот это? Ты что, оба последних месяца валял дурак?

Я вовсе не бездельничал, просто за эти два месяца из меня не рождалось ни единой стоящей ноты. Я честно признался:

— Простите, профессор, у меня не получается придумать ничего хорошего.

Он тут же парировал:

— Не получается придумать хорошее? А плохое? Плохое тоже не можешь сочинить?

Чжоу Хэсянь рассказывал мне, что когда профессор Су отчитывает студентов, нужно просто стоять, опустив голову, и молча слушать, не перебивая. Именно так я и поступил, опустив взгляд. А он продолжал допытываться:

— Ты молчишь, потому что хочешь заявить о творческом кризисе?

Я кивнул и услышал, как он тяжело вздохнул:

— Ты вообще знаешь, что такое вдохновение? Откуда оно у тебя в твоём возрасте? Сколько лет ты занимаешься музыкой? Откуда оно берётся, по-твоему? Думаешь, стоит только захотеть — и оно появится? Или оно приходит, если просто остановиться и заняться самоанализом?

В этот момент я в полной мере прочувствовал состояние Гао Яна, когда тот стоял передо мной. Я поднял голову и сказал:

— Простите, профессор, я вернусь и буду стараться дальше.

Моя готовность признать вину всегда была на высоте, и только после этого профессор Су кивнул:

— Вдохновение не рождается от одних раздумий. Оно высекается в постоянных поисках и ошибках. Если ты не тренируешься, не пробуешь, не ошибаешься — откуда ему взяться?

Я мог только кивать в ответ. В итоге я ушёл домой с целой горой заданий: от меня требовалось создавать не менее трёх музыкальных произведений и писать три текста песен в месяц. Только когда он сочтёт эти наброски удовлетворительными, мне разрешат приступить к работе над дипломным сочинением. Иными словами, моего нынешнего уровня пока было даже недостаточно для допуска к диплому.

Он был прав: моё дипломное сочинение будут исполнять в многотысячном концертном зале университета, и слушать его придётся огромному числу профессоров и студентов. Опозориться перед ними означало опозорить самого профессора. Теперь я глубоко понимал, почему старший сокурсник Чжоу Хэсянь так затянул с выпуском.

С тех пор мне пришлось отчаянно корпеть над дипломной работой. Кроме занятий, я безвылазно сидел дома, поглощённый трудом настолько, что едва не потерял счёт времени — пока суeta в доме не заставила меня вспомнить об одном важнейшем событии. У моей бабушки приближался день рождения.

День рождения моей бабушки, старой госпожи Цинь — об этом мне напомнила матушка Чжоу, когда затеяла ремонт в моей комнате. Она решила обновить обстановку, сделать её более праздничной, пояснив, что старая госпожа любит торжественную атмосферу.

Похоже, я совсем потерял голову от учёбы, раз даже спросил её:

— Матушка Чжоу, неужели в доме намечается какой-то большой праздник?

С тех пор как мою помолвку с семьёй Линь расторгли, в доме хоть и не чувствовалось упаднических настроений, но витал лёгкий дух печали по принципу соседской беды —

вероятно, домашние тоже сочли, что вековые кланы ненадежны, раз их можно купить в два счёта и разрушить в один миг.

По этой причине в последнее время, не считая моих младших племянников и племянниц, которые всё так же бегали и резвились, остальные ходили чуть ли не на цыпочках. Но с этой недели я заметил, что все как будто ожили.

Матушка Чжоу, поняв, что я действительно ни о чём не ведаю, ласково и укоризненно улыбнулась:

— Третий молодой господин, послезавтра же день рождения старой госпожи! Ей исполняется семьдесят шесть.

Я на мгновение онемел. Как можно было забыть о столь грандиозном событии? Интересно, знают ли мои родители, живущие отдельно? Если они тоже не в курсе, это станет настоящим цирком.

Я глубоко вздохнул и сказал матушке Чжоу:

— Я понял, спасибо вам.

Матушка Чжоу лишь с улыбкой покачала головой:

— Ничего страшного. Я ничего не скажу старой госпоже, вы лучше подумайте, какой подарок ей преподнести.

Эта задача казалась ещё более мучительной, но я всё же кивнул. Дело было вовсе не в нежелании готовить подарок — просто у старой госпожи Цинь и так было всё на свете, да и мои дяди наверняка из кожи вон лезли, придумывая самые изощренные презенты.

День рождения наступил быстрее, чем ожидалось. Подарки вручали заранее, и я просто купил в магазине красивую брошь. Разумеется, это тут же вызвало насмешку со стороны двоюродного брата:

— Цянь Юй, до чего же ты прижимистый! Решил отделаться перед бабушкой какой-то брошкой?

Я тут же парировал шпильку:

— А кто знает, сколько стоит эта твоя ваза? Может, ты её на ночном рынке с рук с рук сбыл, а на моей по крайней мере указана честная цена.

Брат, будучи пойманным с поличным, слегка кашлянул:

— Между прочим, то, что я добыл — настоящая ценность! — тем самым он фактически признал, что вещь действительно с барахолки. Да какая разница, насколько подлинной она была, много ли она стоила на ночном рынке?

Я лишь тихо улыбнулся в ответ. Брат было собрался продолжить словесную перепалку, но его прервала старая госпожа Цинь. С улыбкой она произнесла:

— Ладно вам, главное — внимание. К тому же я знаю, что Цянь Юй в последние дни был полностью поглощён учебой, правда? Так что ничего страшного. Лучше сыграешь бабушке какую-нибудь красивую мелодию, когда придёт время.

Сегодня старая госпожа была в прекрасном расположении духа. Она вообще больше благоволила моему двоюродному брату: тот отличался живым нравом и дома бывал редко, а те, кто появляется в родных пенатах лишь изредка, всегда пользуются особой любовью. Полагаю, мне перепало немного его удачи — ведь даже старший господин Цинь неожиданно улыбнулся и заметил:

— Он всё-таки студент, успехи в учебе — лучший подарок.

Мой курат, судя по всему, никак не ожидал, что я тоже удостоюсь похвалы, поэтому хмыкнул:

— Ладно-ладно, университетский умник, смотри мне, покажи себя во всей красе, да сыграй что-нибудь о любви! А я как раз планирую станцевать для бабушки — вот это и будет моим главным проявлением искренности.

Он подмигнул мне, и я сразу всё понял. Среди сегодняшних почётных гостей вполне мог оказаться кто-то, кто ему нравился, а вовсе не ради старой госпожи он собрался устраивать танцы.

Старая госпожа шутливо шлёпнула его по плечу:

— Лоб здоровый вымахал, а всё туда же — ни капли серьёзности! Пора бы уже остепениться и завести семью!

Кузен расплылся в ухмылке:

— Бабушка, появится ли у меня семья, зависит исключительно от того, найдутся ли на твоём банкете красивые девушки!

Старая госпожа с показным гневом взглянула на него:

— Ах ты паршивец, решил использовать меня как трамплин?!

Кузен хохотал:

— Ну а как же! Судя по прошлым годам, все устраиваемые тобой банкеты неизбежно превращаются в смотрины! Держу пари, в этот раз всё будет то же самое. Кого ты на этот раз решила свести, бабушка? Своих людей обижать не будем, всё в дом!

После этих его слов мне показалось, что старая госпожа бросила быстрый взгляд в мою сторону. Взгляд был мимолётным, и когда я попытался перехватить его, чтобы убедиться, она уже отвела глаза и довольно сухим тоном бросила кузену:

— Перестань балаганить. Сегодня на приеме будут исключительно люди важные и уважаемые.

Кузен хмыкнул, собираясь что-то возразить, но вовремя прикусил язык. Наверняка хотел съязвить, мол, а когда на эти приемы звали кого-то неважного.

При всей своей болтливости двоюродный брат отлично понимал, будучи членом семьи Цинь, что можно говорить, а о чём лучше молчать, поэтому при гостях сыпал исключительно любезностями.

В отличие от меня, он смотрел на вещи гораздо проще: раз уж его будущая жена будет подобрана заранее из числа таких же именитых семей, он предпочитал относиться к этим красавицам с максимальным энтузиазмом. Такой подход старикам нравился куда больше.

<http://bllate.org/book/25902/3095652>